

НАУМ КОРЖАВИН:

Я человек сороковых годов...

Культура. — 2002. — 8-14 авг. — с. 5

Если судить по наградам и совокупному тиражу всех публикаций Наума КОРЖАВИН, то кажется, что речь идет о человеке, замыкающем первую даже не сотню, а дай Бог, чтобы тысячу современных российских стихотворцев. И тем не менее во второй половине XX века в России было только два поэта — он и Галич, чья вольнолюбивая лирика ходила в списках на равных с запрещенными стихами Ахматовой, Цветаевой, Гумилева, Мандельштама.

В 1947 году за свои стихи он был арестован и отправлен на поселение. В 1973 году был вынужден эмигрировать из СССР. Не лауреат никаких премий.

“Иван Калита” и “Памяти Герцена” (“Какая сука разбудила Ленина? / Кому мешало, / Что ребенок спит?”), “Вариации из Некрасова” (“Ей жить бы хотелось иначе, / Носить драгоценный наряд... / Но кони — все скачут и скачут, / А избы горят и горят”), “Последний язычник” (“Я последний язычник среди христиан Византии. / Я отнюдь не последний, кто видит, как гибнут миры”) — стихотворения, уже давно ставшие народными.

Общий “тираж” заученного читателями наизусть, переписанного от руки и перепечатанного на машинке многократно превосходит все легальные тиражи пяти сборников Наума Коржавина, изданных в СССР, в Америке и сейчас в России. По праву считаясь одним из крупнейших наших современных писателей, в нынешнюю литературную тусовку, вручающую премии и звания, Коржавин так и не попал. Но как сказал сам поэт в 1952 году: “Нет легких времен. / И в людскую врезается память / Только тот, кто пронес эту тяжесть на смертных плечах”.

— Наум Моисеевич, над чем вы сейчас работаете?

— Я занимаюсь двумя вещами. Одной давней пьесой, еще 60-х годов — ее ставили к пятидесятилетию Великого Октября. Хотя она была контрреволюционной, даже не анти-советской, а именно контрреволюционной. В ней революция показывалась трагедией. И воспоминаниями. В них я уже подхожу к концу. То есть к концу намеченного — к 58-му году. Воспоминания называются “В соблазнах кровавой эпохи”, а в 57 — 58-х годах кончились и соблазны, и кровавая эпоха. Теперь говорят, что дальнейшая эпоха все равно была кровавой, но она такой не была.

— Продолжение писать будете?

— Это получится уже совсем другая книга. Понимаете, ведь я человек 40-х годов, а не 60-х. Я говорю, что я из шестидесятников, только когда на них нападают. Кстати, в истории культуры то были очень важные годы. Просто их сводят к нескольким именам те, кто против них воюет и кто даже создал собственную духовную жизнь на отрицании 60-х годов. Это были главным образом годы возвращения к нормальным ценностям, и вся литература, в частности, вся новомировская литература нащупывала эти ценности. Но те, кто нападал на новомировскую литературу раньше, продолжают свое дело и сейчас, причем так, что это уже не точка зрения, а просто литературное хамство и больше ничего. Один умник недавно написал, что Твардовский был неискренним, в литературе неискренним, а вот Михалков был искренним. Это злобная клевета уже на обоих, потому что Михалков выходит недалеко

ким человеком, которым он никогда не был. И поразительно и возмущительно то, что на подобный выпад ответили только дочери Твардовского. Ответили очень квалифицированно и точно, но все равно надо было, чтобы отвечали не они. А меня, к сожалению, не было тогда в Москве.

— Наум Моисеевич, возвращаясь к вашим воспоминаниям...

— Эту книжку заканчиваю, а дальше как Бог даст. Тому, что дальше, понимаете, было много свидетелей, но они, те годы, тоже очень интересны. Их сводят только к молодежной прозе и концертной поэзии, что все-таки не так, тогда в нашей литературе происходили куда более важные и серьезные процессы.

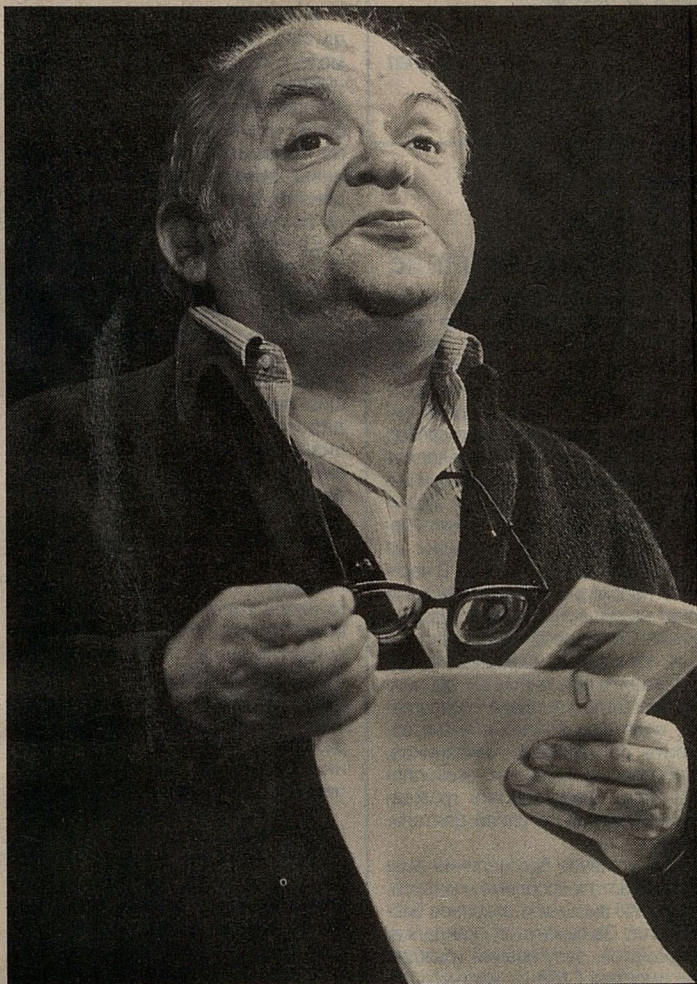
— А вы получали какие-нибудь предложения издать ваши мемуары?

— Пока вообще-то нет. Правда, один мой друг ведет переговоры в каком-то ленинградском издательстве. Конечно, хотелось бы увидеть свои воспоминания отдельной книжкой. Понимаете, я их писал до посадки, писал после посадки, писал до эмиграции, в эмиграции и после нее. Пишу и сейчас.

— Скажите, а почему в “Новом мире” вдруг прервалась публикация “Соблазнов...”? Вы не захотели?

— Нет, так редактор отдела прозы сказал, что ему это не близко. Ему надоело про Литинститут. Хотя вообще у меня не про Литинститут.

— Почему он вас не одобрил, я могу понять. Вы — шестидесятник, пусть и относите себя к сороковым, а он — представитель “московской школы”, которая основывается на других ценностях.

Н. Коржавин

ведением в октябре 93-го.

— Про это я не спорю. Я говорю об экономике. Экономические его вещи были нелепые, они абсолютно не учитывали состояние психологии общества, было заметно полное незнание своей страны, ее людей и обычаев, встречаемое только у девиц. Общая политика его правительства велась так, будто оно постановило: если вся пьянь и рвань в России перемрет, это будет только во благо. Беда в том, что они считали рванью подавляющую часть населения. Понимаете, ситуация была грозная, она была таковой с самого начала перестройки. Должен сказать, когда я в первый раз услышал про перестройку, то очень обрадовался, но сильно испугался. Потому что понимал, что будет задета способность к выживанию колоссального количества людей, тех же писателей. Они жили, у них был налаженный порядок. Но про себя они думали так: ну, издавать и награждать надо Астафьева, а не какого-нибудь Хренкина. Что правильно, я тоже считаю, если награждать, так Астафьева.

— Наум Моисеевич, и почему мы дошли до такой жизни? И какова во всем этом роль русской интеллигенции?

— Мое отношение к интеллигенции окончательно сформировалось уже в эмиграции. Главное, что и там, и тут меня в русской интеллигенции испугало, — безответственность и несамостоятельность мысли. У Юрия Давыдова я запомнил одну цитату из Плеханова, который сказал, что интеллигенцией называется класс работников умственного труда, склонных к умственной лени. А потом меня страшно поразило то, что интеллигенция поддерживала Гайдара. Это было бездумно.

— Меня он подкупил своим по-

тался толковать своим друзьям: не думайте, что, если наступит полная свобода и рыночные отношения, всем хорошим писателям будет хорошо, а плохим плохо. Вам будет очень тяжело, так же, как большинству писателей в остальном мире. Свобода вовсе не такая уютная вещь, как казалось, но все-таки лучше, чем зависимость. Когда речь идет о таких людях, как Астафьев, у которых есть свои нравственные ограничители, то все в порядке, но у большинства людей ведь свои регуляторы отсутствуют. В результате литературный процесс при свободе превратился в состязание, кто смелее. А вот как я занимался онанизмом или как я... Новаторы. Один за другим. Я вообще не люблю новаторов, на самом деле все они уже давно с бородой. Новаторство как возникло в начале прошлого века, так с тех пор и ничуть не изменилось, алгоритм прежний. Просто значения меняются, а на самом деле все то же самое. А надо писать свое.

Отчасти на эту тему мы заспорили с Щекочиным, когда он приезжал в Америку и все там хаял. Щекочин — талантливый человек и многое понимающий, но диалог у нас с ним тогда был какой-то странный. Он мне сказал, что вот мы теперь в Москве о политике вообще не разговариваем. Я спрашиваю, а о чем? Ну о вечном. Да, говорю, а ты знаешь, в России уже было такое положение один раз. Аккурат в 16-м году.

Поэтому интеллигенция, если она чувствует себя интеллигенцией, классовой элитой в высоком смысле этого слова, должна сейчас все-таки пересмотреть свое поведение и позиции.

— Главное, что отличает нашу нынешнюю интеллигенцию, — никто ни за что не хочет отвечать. Ни за свои слова, ни за свои поступки.

— Вот это — самое страшное. Кстати, поэтому интеллигенции так нравится Бродский. Он как бы поэтизирует всеобщую необязательность. Хотя он-то не совсем это имел в виду.

— Но не могут же все быть в оппозиции. Кто-то же и работать должен.

— Это у нас отчасти традиционное — влииться и слиться всем в оппозиции. Видите ли, я тоже был в оппозиции, потому что Ельцина на дух никогда не принимал. Почему? Еще до его прихода к власти просто потому, что он ходил по магазинам и воевал с завмагами. Вот за это я его запрещал, ведь чистой воды демагогия, и называл его тогда — Стенька Ельцин. Он абсолютно бессмысленные деяния совершал. А потом произошел пленум — “Борис, ты не прав” и все такое, и я его внутренне поддерживал, честно говоря, сейчас даже каюсь. Но это было. А вот когда после победы 91-го года он исчез на 20 дней, как раз на те 20 дней, в которые что-то можно было сделать, все, я понял, что он совсем другим занят и совсем другое его интересует. И по-

жалуйста: Семья — это уже принятый и на Западе законченный социально-экономический термин — Family.

Сейчас ситуация такая, что у людей просто нет времени, чтобы искать ответы на вопросы. Это очень тяжело, какая-то полная безнадежность. И выход я вижу сугубо абстрактный. Если все русские люди не захотят, то Россия не погибнет. И я не могу простить интеллигенции эйфорию конца 80-х — начала 90-х годов. Потому что максимум, что появилось, — это возможность спасения. А вовсе не само спасение. А они уже в том, что разрешили кого-то печатать и куда-то ездить, увидели спасение. А его в этом не было.

Нам надо было честно сказать народу, что дело наше швах, мы в яме в силу таких-то причин и теперь вылезать из нее будет очень трудно. Но для подобных дел нужны люди, которым доверяют, а то если к власти приходит демократ, а потом он сам оказывается таким же вором и негодяем, как и прежние, тогда...

— Схожие вещи в истории человечества случались неоднократно. Скажем, после войны Севера и Юга один из победителей, освободитель негров генерал Грант, всюду грабил побежденный Юг. Даже термин тогда соответствующий возник — “грантизм”.

— Так из ТАКОГО, как у нас, не требовалось вылезать. Потому что нигде не было социализма. Нигде не было подобной катастрофы. А если кто-то и воровал, то на практике он вкладывал наворованные деньги в жизнь и развитие своей страны. А наши вкладывают их в иностранные банки.

Не было простых путей у нас. А сейчас тем более нет. Сам я теперь никакого выхода из сложившейся ситуации уже не вижу, но это не значит, что его нет. Надо, чтобы люди его искали.

— У Льва Толстого было любимое выражение: “Делай, что должно, и пусть будет, что будет”.

— Звучит красиво, но даже все вместе вы не можете организовать массовую общественную газету. Хотя теперь мне все говорят, что ситуация у нас несколько изменилась к лучшему. О чем свидетельствует даже такой факт, что издатели вдруг вспомнили про мои стихи. Это частность, но тем не менее раньше-то не вспоминали. У меня в 92-м году вышла книжка, и больше, ну кроме маленькой “огоньковской” брошюры, до недавних пор ничего не издавали. Почему? Очень смешно. Мне один человек рассказывал, карагандинец, как он пытался купить мои стихи. Обошел все книжные магазины, ему говорят, нет, понимаете, сейчас большая конкуренция в смысле требований издательства к авторам. Так вот что такое конкуренция! Конкуренция, в которой не участвует покупатель... Так у нас всегда она была. Надо было внушить ЦК КПСС, что следует издать не вас, а меня или его.

— А как вы относитесь к идее, что жизнь станет нормальной после того, как русские интеллигенты превратятся в интеллектуалов, то есть когда каждый будет заниматься только своим делом?

— Ну, понимаете, поэты должны писать стихи, физики заниматься физикой, это все так. Хотите быть интеллектуалами — пожалуйста, но все-таки надо понимать, что происходит вокруг тебя, а не жить заимствованными и чаще всего глупыми лозунгами. Когда идет такая страшная эпоха, интеллигенция должна чувствовать свою ответственность, поневоле надо заниматься и другими делами, а не только выполнять служебные обязанности. А одно время наша интеллигенция вообще почему-то сочла, что все вопросы сняты. Если полистать “Литературу” за прошлые годы, то легко убедиться, что проблем у нас не осталось — все определено, все решено, просто надо жить, как на Западе, и порядок.

Однако и на самом Западе не будет “как на Западе”. Современная цивилизация идет к упадку: перестают работать внутренние связи. Хотя дело здесь еще и в обилии, переизбытке средств массовой информации — журналов, газет, телеканалов, в результате чего получается переизбыток, а недостаток информации.

И главное. Западная цивилизация была христианской, когда христианство из нее вынули, у нее ничего не осталось. То, что в Америке могли выбрать Клинтон, причем на два срока, говорит об очень многом. И дело не в политических разногласиях, примерно той же политической платформы придерживался Картер, который тоже мало что понимал во внешних делах, но Картера никто никогда не считал нечестным.

— И как выживать сейчас литературе и в литературе?

— Я не знаю. Потому что все даже более-менее крупные гонорары призрачны, они покрывают затраты. Вот Астафьев писал серьезные романы, что он за свою работу получал? Кажется, 2 тысячи долларов или даже меньше. Но что это, босподи! Все-таки ему на них жить надо было.

— Известным писателям сейчас платят очень мало, но их хотя бы издают. Начинающим же печататься практически негде. И в результате связи в литературе могут совсем пресечься.

— Вот это — самое важное. Я считаю (и когда выступал в Литинституте, об этом говорил), что задача молодых писателей восстановить связь времен. Потому что нынешняя тусовка, которая поддерживает только своих, прежние связи обрвала.

Беседу вел
Павел НУИКИН

Фото
Владимира БОГДАНОВА